

КРЫША И ЧЕРДАК: БЫТ И ОБРАЗЫ

© Н. А. КРИНИЧНАЯ,

доктор филологических наук

В статье рассматриваются вербально-архитектурные образы крыши, чердака традиционного крестьянского жилища. Семантика этих образов определяется единством мифологических представлений о человеке – жилище – мироздании. Верхний ярус крестьянской избы осмысливается как небо либо как голова/череп жилища.

Ключевые слова: мифологический рассказ, древнерусская лексика, диалектная лексика, крыша, чердак, небо жилища, голова/череп жилища, мифическое существо.

В традиционных представлениях крестьянский дом, с одной стороны, служит уменьшенной копией мироздания. С другой стороны, этот дом воплощает в себе увеличенную модель человека либо почитаемого (некогда тотемного) животного, принесенного в жертву при его строительстве. Цель статьи – раскрыть космологический и анатомический коды, которые фрагментарно зашифрованы в вербально-архитектурных образах верхнего яруса крестьянской избы. Речь идет о мифологических воззрениях, связанных с крышей – чердаком – потолком. Образы потолка [1] и матицы [2] нами уже рассмотрены в отдельных статьях. Здесь же мы сосредоточим внимание на представлениях о крыше, а вместе с ней и о чердаке. Именно крыша чаще всего осмысливается как метонимический эквивалент самого жилища (ср. выражения: *дать крышу, иметь крышу, под одной крышей, под чужой крышей* и пр.).

Крышей называется верхняя, покрывающая часть строения. Этот покров защищает обитателей жилища от воздействия внешнего мира. Происхождение данной лексемы связано с «древнерусск. (с XIII в.) *крыти(ся)* – “крыть” (сверху), “переплетать”, позже (с XV в.) “скрывать”, “прятать”» [3. С. 448]. Причем корень *кры-* (*кров-*) широко распространен во всех славянских языках [4]. Тем не менее слово *крыша* есть только в русском языке. Однако и здесь оно имеет сравнительно «молодой возраст»: «памятники письменности до второй половины XVIII в. знают для соответствующего понятия лишь слова *кровля, кровь*. (...) первая нам известная фиксация слова *крыша* в словарях – в Словаре Академии Российской 1792 г. сопровождается пометой “простоляр.”» [5]. Ранее, в Лексиконе Поликарпова 1704 г.,

впервые фиксируется *крышка* [6. Т. II. Вып. 8. С. 423]. Со временем лексема *крыша* стала основной, а ее синоним *кровля* приобрел оттенок книжности.

С этой структурно-планировочной частью жилища в мифологическом сознании связана идея верха (небес, головы). Она зашифрована и в космологическом, и в анатомическом кодах народного зодчества. О месте крыши в вертикальной модели крестьянского микрокосма свидетельствуют ее диалектные наименования: *вершок*, *обвершка*, равно как и *гора* [7. С. 99], вершина которой ассоциируется с небом, а небо – с крышей, куполом.

Распространенные в севернорусской традиции двускатные крыши имеют древнее происхождение. Они отмечены уже в ладожских постройках X века [8]. Для устройства двускатной кровли, основанной на фронтовых бревнах, поверх потолка кладется еще один венец из бревен, которыми и заканчиваются боковые стены. Передняя же и задняя стены дома наращиваются посредством двух бревен-стропил. Эти стропила, соединенные под углом верхними концами, упираются в стены своими нижними концами-*пятками*. У стропил есть и *уши* – выемки, *усы* – их стесанные концы, *запечик* – выступ на стропиле, упирающийся в подстропильное бревно, т.е. в стену. Если *уши* и *усы* ассоциируются с «головой» жилища, то другие элементы символизируют низ данного древесного «туловища»: у стропил есть *ноги*, *пятки* и даже *башмак* в виде углубления в подстропильном бревне [9].

Идея соотнесенности верхнего яруса крестьянской избы с небосводом закодирована в декоративном оформлении фасадного фронтона. Солярные (солнечные) знаки-символы обнаруживаются на концах *причелин* – резных досок, идущих по краям обоих скатов кровли (они закрывают наружные торцы подкровельных слег). Аналогичные знаки выявляются и на *полотенце* – короткой резной доске, закрывающей стык причелин, а также иногда и торцы верхних венцов сруба. Космогоническими, равно как и вегетативными, образами определяется и роспись фронтонов, внутренних сторон свесов кровли, дна балконов и мезонинов. В локализованных здесь символах находит свое выражение идеограмма космологического верха. Архетип небес, высшего уровня, высоты, связанный с представлениями о крыше, имеет универсальное применение. Так, в одной из загадок крыша жилища отождествляется с небесным сводом, а окна – со звездами: «Полна крыша окошек. Все в них смотрят и ничего не видят» [10].

Обытовленным проявлением соотнесенности крыши дома с головой человека служит образное выражение, используемое в просторечии: *крыша едет, крыша поехала*. Согласно народным воззрениям, крыше принадлежит главенствующая роль: «Всяк дом по свою кровлю стоит», т.е. крепко главой, хозяином [11. Т. 2. С. 196]. В то же время

крыша воплощает Божие покровительство: «Живем поколе Бог кроет», «Бог крыл», т.е. миловал, сохранил, оборонил [Там же. С. 206].

В севернорусских говорах эта структурно-планировочная часть жилища нередко называется *черепом* или, в отличие от потолка и матицы, *надчерепьем*. Уподобление черепа крыше или куполу соответствует более широкой аналогии «человек – дом» [12]. В архаических традициях череп рассматривается как вместилище души, в нашем случае имеется в виду душа человека-дома. Впрочем, крыша может осмысляться и как головной убор. Нередко она именуется *шеломок*, т.е. шлем – воинский головной убор, защищающий от ударов, либо *колтак*, т.е. головной убор остроконечной или овальной формы [7. С. 99, 101].

Осмысление крыши как головы жилища, не столько антропоморфной, сколько зооморфной, проявляется и в народном изобразительном искусстве, в частности, в скульптурной обработке ее декоративно-конструктивных элементов. Богатырски массивную крышу некогда венчали и лошадиные, и рогатые, лосиные или оленьи, головы. Часть кровли нередко имела и очертания птичьей головы [13. С. 4–10].

И все же в дошедшей до нас традиции явно преобладают конские знаки-символы жилища. Они многократно дублируются во внешних и внутренних формах крестьянской избы. В этих декоративно-конструктивных элементах проявляет себя строительная жертва, отдающая свою плоть и душу возводимому сооружению [Там же. С. 16]. Идея воплощения в постройке, в частности, в кровле, принесенного в жертву коня поддерживается и севернорусскими говорами: «*Крыша конём*. Крыша на два ската. Когда крыша стружкой (дранкой. – *Н.К.*) крыта с трех сторон, это *полдуб*, а с двух сторон – *конем* (курсив наш. – *Н.К.*)» [14]. Истоки подобных представлений обнаруживаются в культе коня, чрезвычайно характерном для верований различных индоевропейских народов.

Вместе с тем в декоративном убранстве крыши можно обнаружить и некоторые знаки, символизирующие верхнюю часть человеческой фигуры – голову, бюст. Речь идет, например, о так называемых *мушкетках* – вертикальных деревянных скульптурах с круглым основанием, воплощающих в себе, согласно народным верованиям, мифических предков [15].

Знаками-символами головы дома служат и другие декоративно-конструктивные детали кровли. Это прежде всего *курицы*. Обрубки молодых елей, будучи художественно обработанными топором, приобретают облик зооморфных (куриных, конских, змееподобных и пр.) бюстов [16. С. 98, 101, 104]. Судя по ладожским археологическим материалам, эти архитектурные детали известны с X века [8]. Согласно народным верованиям, в них воплощены сверхъестественные существа, оберегающие избу в одном из наиболее опасных для человека мест – на стыке стен и кровли.

Знаки-символы головы-жилища заключены и в скульптурной резьбе в виде звериных рогов либо змееподобных голов, которыми в архангельских и вологодских деревнях декорировались концы потока-водопуска. Эта колода с выдолбленным для стока воды желобом, тянущаяся вдоль всей стены, укладывалась на загнутых вверх крючьях *куриц*.

Характерно, что те же космологический и анатомический коды распространяются и на представления о чердаке. Речь идет о пространстве между потолком и крышей жилища, осмысляемом в мифологическом сознании как своего рода верхний мир. Об этом свидетельствуют диалектные, а подчас и древнерусские наименования чердака. В быличках он нередко называется *верхом*: «Вот *поверху* ходит и ходит (...). Заходило-заходило *вверху* (курсив наш. – Н.К.)» [17. 84. № 67]. *Верх* в севернорусских говорах означает, помимо прочего, «оконечность, обращенная к небесам» [11. Т. 1. С. 183]. Слово *верх*, известное всем славянским языкам, «в результате расширения первичной семантики, вероятно, еще в и.-е. языках (ср. знач. др.-инд. *vāṛṣma*) стало обозначать “предел возвышения”, “верхнюю часть предмета вообще”» [6. Т. I. Вып. 3. С. 68]. В греческом же языке соответствующее однокоренное слово имеет значение «небо» [3. С. 145].

Отождествление чердака с небом проявляется и в наименовании этой структурно-планировочной части *вышкой*: «Однажды подгулявшему домохозяину о святках пришло в голову идти послушать *на вышку* (курсив наш. – Н.К.)» [18]. *Вышка* – это жилистая комната на чердаке, срубленная из бревен вдоль или поперек стен дома, чердак с окном, обычно выходящим на фасад и декоративно оформленным. Номинация *вышка*, которая и поныне встречается в севернорусских говорах, зафиксирована в древнерусском языке не позднее XVIII века. Ее семантика наиболее отчетливо высвечивается в контексте однокоренных древнерусских слов. В числе этих слов *вышний* (-ный), что означает «верхний», «более могущественный», «небесный» и пр., а также *вышня*, т.е. «небеса» [19. Вып. 3. С. 278–279]. Лексема *вышка*, зафиксированная в различных славянских языках, первоначально означала «возвышенность, высоту» [6. Т. I. Вып. 3. С. 239].

Синонимом *верха/вышки* (применительно к чердаку) в народных говорах служит *подволока*, *подволока*: «А *по подволоке* там у нас ходило, всё ходило будто, *по подволоке* (курсив наш. – Н.К.), стукотел-стукотел, и по лестнице спускалось, в сини» [17. 23. № 328]. Этим древним словом в севернорусской традиции подчас обозначается не только чердак, т.е. помещение между потолком и кровлей, но и потолок в избе (потолочное перекрытие, накат), особенно *чистый* потолок, или потолок в сенях.

Однако в современных записях мифологических рассказов рассматриваемая составляющая верхнего яруса традиционного крестьянского

жилища нередко имеет обычное литературное название *чердак*: «Слышим, кто-то по чердаку ходит топает» [Там же. 179. № 121]; «Один человек в святки пошел слушать на *чердак* (курсив в цитатах наш. – Н.К.)» [20]. Вероятно, не ранее XVII века древнерусские номинации *верх*, *вышка*, *подволока* начинают постепенно вытесняться словом *чердак*, заимствованным из турецкого, крымско-татарского, караимского языков и диалектов и – глубже – из персидского языка: в них *čardak* означало «балкон», «верхняя комната» [21]. И все же, как мы могли убедиться, его древнерусские аналоги продолжали бытовать в живой традиции, воздействуя на семантику заимствованного слова.

Признаки соотнесения с небом обнаруживают, помимо *вышки*, *светлица* (*светёлка*) и *горница* (*горенка*). В народной поэзии (например, в причитаниях) они взаимозаменяемы: «Вы ступайте, мои крестовые кумушки, / К моим светам сердечным родителям / Во светлую хорошую *светлицу*, / Во новую *высокую горенку* (курсив наш. – Н.К.)» [22]. Слово *горница*, известное с XII века, первоначально означало «верх дома, верхнее помещение»: от *горний* – верхний, вышний, небесный [23]. Отождествляясь с *горницей*, связанная со светом *светлица* воспринимает и ее семантику. В современном употреблении *горница* – это парадная комната в крестьянской избе, первоначально устраиваемая в верхнем этаже, или чистая половина жилища, отделенная от собственно избы капитальной бревенчатой стеной. Светлица же – небольшая светлая комната в верхней части дома; та же *горница*, *чистая*, или *белая*, изба.

Если, по космологическому коду жилища, чердак, как и крыша или потолок, символизирует домашние небеса, то, в соответствии с анатомическим кодом эти же структурно-планировочные части дома осмысляются как его голова/череп, представленные в зооморфной или антропоморфной версии: «В собственно телесном аспекте, который нигде четко не ограничен от космического, *верх* – это лицо (голова)» [24]. Подобный архетип срабатывает даже в частушке, где уменьшенной копией мироздания изображается человек, голова которого приравнивается к чердаку: «Полюбила я его / А он, девочки, дурак: / У него насчет любви / Не работает чердак» [25]. Показательно, что представления о чердаке как о голове дома соотносятся с данными древнерусского языка, где еще в 1169 году зафиксировано употребление слова *верх* в значении «темя, макушка, голова» [19. Вып. 2. С. 100]. Напомним, что потолку в этой системе символов отводится роль основания черепа. У чердака есть и уши. Об этом косвенно свидетельствует окно в крыше или в верхней части стены, которое называется *слуховым*. Оно предназначено для освещения и проветривания чердака, в нашем случае – для слухового восприятия звуков внешнего мира.

Таким образом, в соответствии с космогонической моделью, выработанной мифологическим сознанием, верхний ярус традиционного

крестьянского жилища соотносится с небесным сводом. В то же время, являясь уменьшенной копией мироздания, возникшего из тела мифического существа, крестьянская изба в своей верхней части осмысливается как череп/голова/бюст соответствующего животного или человека, принесенного в жертву при строительстве жилища.

Литература

1. *Криничная Н.А.* Потолок: проявления верхней границы жилого пространства в крестьянском микрокосме (по материалам народного искусства) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2011. № 6. С. 29–36.
2. *Криничная Н.А.* Матица: слово, образ, символ // Русская речь. 2014. № 4. С. 116–121.
3. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999. Т. I.
4. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. 1. С. 399.
5. *Иссерлин Е.М.* Когда и как появилась «крыша»? // Очерки истории языка. Л., 1960. С. 223–229.
6. Этимологический словарь русского языка / Под рук. и ред. Н.М. Шанского. М., 1968. Т. I. Вып. 3; Т. III. Вып. 8.
7. *Сыщиков А.Д.* Лексика крестьянского деревянного строительства: Материалы к словарю. СПб., 2006.
8. *Равдоникас В.И.* Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // Советская археология. 1949. XI. С. 18–19.
9. *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М., 1956. С. 98–99, 387.
10. *Невская Л.Г.* Печь в фольклорной модели мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. М., 1999. С. 104.
11. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989–1990.
12. *Элиаде М.* Священное и мирское // Элиаде М. Миф о вечном возвращении: Избр. соч. / Пер. с франц. М., 2000. С. 336.
13. *Криничная Н.А.* Дом: его облик и душа (к вопросу о тождестве символов в мифологической прозе и народном изобразительном искусстве). Петрозаводск, 1992.
14. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. В 6 вып. СПб., 1996. Вып. 3. С. 41.

15. *Криничная Н.А.* Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С. 104–105.
16. *Криничная Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004.
17. Научный архив Карельского научного центра РАН. Первая цифра обозначает номер коллекции, вторая – порядковый номер текста в ней.
18. *Георгиевский М.Д.* Святки в деревнях Олонецкой губернии и различные гаданья // Олонецкие губернские ведомости. 1889. № 46. С. 497.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2; 1976. Вып. 3.
20. *Георгиевский А.* Народная демонология // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1902. Вып. 4. С. 61.
21. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. IV. С. 336.
22. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. В 3 т. Петрозаводск, 1991. Т. 3. С. 83.
23. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. М., 1989. Т. 2. С. 362–363.
24. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 28.
25. Частушки в записях советского времени / Изд. подгот. З.И. Власова и А.А. Горелов. М.-Л., 1965. С. 349.

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск*